

**ЛУЧШИЕ
БИОГРАФИИ**

**НИКОЛАЙ
КРЮЧКОВ**

**РУССКИЙ
ХАРАКТЕР**

**Константин
Евграфов**

Лучшие биографии

Константин Евграфов

**Николай Крючков.
Русский характер**

«Алисторус»

2011

Евграфов К. В.

Николай Крючков. Русский характер / К. В. Евграфов —
«Алисторус», 2011 — (Лучшие биографии)

В советском кино Николай Крючков – фигура знаковая и эпохальная. Как Жан Габен – во французском. В молодости ему доставались роли «парней с рабочей окраины» – бойкие, задорные, романтические («Трактористы», «Парень из нашего города»). В зрелые годы это были образы современников – разнохарактерные, но всегда психологически острые («Дело Румянцева», «Суд»). Под конец жизни – умудренные опытом старики («Горожане», «Осенний марафон»). Но в каждой роли, в любом фильме Николай Афанасьевич неизменно оставался самим собой. Казалось даже, он и не играет вовсе, а живет в кадре. Не раз на страницах книги ее автор посетует: ну не способна бумага передать неподражаемую хрипотцу крючковского голоса! И все-таки Крючков и без того получился в книге живым. Заядлый рыбак, запевала и шутник, неутомимый труженик, артист всегда осваивал профессию героя, которого ему предстояло сыграть. Даже истребитель водить научился. Отсюда и естественность его экранных героев, их творческое долголетие.

© Евграфов К. В., 2011

© Алисторус, 2011

Содержание

Русский характер	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Константин Евграфов

Николай Крючков. Русский характер

*Когда бывает в жизни нелегко
И не всегда судьба тебе послушна,
Живи красиво, вольно, широко,
Люби людей светло и простодушно.*

*Не унижай беспечностью свой труд,
Будь правдолюбом, гордым и суровым,
И пусть тебя потомки помянут
Хорошей песней или добрым словом.*

Николай Крючков

Русский характер

«Когда страна прикажет быть героем...»

«Это было недавно, это было давно...» В те достославные времена перед каждым художественным фильмом крутили киножурнал – кадры кинохроники минут на пятнадцать. Зрителю показывали и рассказывали, что происходит у нас в стране и за рубежом, каковы последние достижения в науке и технике, в мире искусств, как варят сталь и сеют хлеб и о многом другом, занимательном и интересном. И порой случалось так, что киножурнал оставлял у зрителей большее впечатление, чем сам фильм.

После хроники включали свет на несколько минут, чтобы опоздавшие не бродили в темноте, а могли спокойно занять свои места.

Так вот, в годы войны среди завзятых любителей-киношников ходила такая байка. Некий нетерпеливый пацан сумел прошмыгнуть в зал во время показа кинохроники, в темноте нашел свое место и стал приставать к соседям слева и справа:

– А Крючков играет?... Крючков играет?..

Не дает людям смотреть журнал! Все от него отмахиваются: не знаем, мол, а ты не суепись и помолчи.

И тогда возмущенный пацан взрывается:

– А если Крючков не играет, чего вы здесь торчите?

В те годы не спрашивали, о чем фильм, если в нем играл Крючков, – одно его участие в картине уже обеспечивало ей безусловный успех. Размышляя о «секрете» этого успеха, можно сколько угодно говорить о высоком профессиональном мастерстве актера, самобытном русском характере, воплощенном в его творчестве, о его человеческом обаянии и мужественной красоте – и это будет правда. Но не вся. Она еще не в полной мере объясняет саму сущность такого явления в киноискусстве, как Крючков.

Пожалуй, самую неоспоримую характеристику этому явлению дал наш замечательный артист и кинорежиссер Сергей Бондарчук: «Есть художники, которые приходят в этот мир, чтобы с наибольшей полнотой выразить дух своего времени. В глазах и представлениях грядущих поколений они остаются выдающимися ориентирами, знаками эпохи. К таким художникам я отношу Николая Афанасьевича Крючкова. Достаточно назвать его имя, и в памяти

высвечиваются его фильмы, образы, эпоха. Выдающийся артист, народный любимец, он был символом советского киноискусства 30—50-х годов. Все, что он делал в кино позднее, до самых последних своих дней, корнями уходит в то жестокое и прекрасное время. Менялись его герои, менялся сам артист, но по-прежнему великими оставались его человеколюбие, душевная щедрость, цельность натуры, выразительная ясность характера».

И еще: «Чтобы понять русский характер, надо непременно посмотреть хотя бы один фильм с участием Николая Афанасьевича. А лучше посмотреть все. Потому что, исполняя разные роли в разных кинокартинах, Крючков всегда оставался самим собой. В отличие от других актеров он не лицедействовал. Это вовсе не говорит о том, что лицедейство – значит плохо. Все актеры – лицедеи. Но он никогда не притворялся, изображая кого-то».

Далее, упомянув о «трех богатырях русской культуры советского периода», Борисе Андрееве, Николае Крючкове и Петре Алейникове, Бондарчук делает вывод: «Даже если согласиться, что мы жили, как говорят, в эпоху мифов, зашоренности, заидеологизированности, тем более надо будет признать, что искусство этих богатырей, народность характеров, которые они создавали, узнавание зрителями в их персонажах своих современников помогали людям жить, надеяться, строить свое будущее».

К этому вряд ли что можно добавить, разве лишь то, что зрители не только узнавали в киногероях своих современников, но и старались подражать им. Видимо, такова уж человеческая натура – перенимать у лучших представителей своего рода те черты и качества, которые могли бы возвысить тебя самого. Хотя бы в собственных глазах. И это мудро устроено природой, иначе бы человечество просто деградировало.

Обаяние личности Крюčkова, природная убедительность и достоверность на экране обладали таким эмоциональным зарядом, не поддаться воздействию которого было невозможно. Существует великое множество свидетельств людей, признававшихся Крючкову в том, что именно он или его экранные герои решили их судьбу. Приведу лишь два.

На одной из послевоенных встреч со зрителями к Крючкову подошел генерал-лейтенант танковых войск, увешанный орденами и медалями, и, пожимая артисту руку, сказал:

– А ведь это вы, дорогой Николай Афанасьевич, «виновник» всех моих наград. После просмотра фильма «Трактористы» я, не раздумывая, пошел в военное училище. Вы – моя судьба.

А ведь после этого фильма, в котором Крючков сыграл одну из своих любимых ролей – Клим Ярко, сотни и тысячи молодых людей сели за рычаги тракторов, которые вскоре сменили на рычаги танков.

А вот свидетельство старейшего артиста Воронежского областного театра драмы Юрия Розанова:

– Весной сорок второго меня за что-то выгнали с уроков, а учился я в седьмом классе. В кинотеатре «Художественный» шел тогда фильм «Свинарка и пастух». Так вот, мы с приятелем неделю ходили каждый день на два сеанса. Я выучил все песни, которые пели вы, Николай Афанасьевич, Ладынина и Зельдин. Так я освоил весь репертуар. И вот когда меня попросили выйти вон из класса, я взял дома гитару, вернулся в школу и стал петь под окнами нашего класса:

Стою один я у окошка,
Печаль туманит мне глаза.

И вдруг распахивается окно, и наша завуч громовым прокуренным басом:

– Розанов! Я тебе такую печаль устрою, что не только глаза затуманит! Артист! Без родителей чтоб и близко к школе не подходил!

И что же? Ведь накаркала она мне с этим артистом! Через тринадцать лет окончил я театральную студию и стал артистом. Хотя, честно говоря, завуч тут вовсе ни при чем – это вы, Николай Афанасьевич, решили мою судьбу. А я... Я до сих пор учусь у вас правде сценической жизни, глубине проникновения в образ... До сих пор...

Актёрское обаяние, конечно, подкупает зрителя. Но мало ли их сейчас, обаятельных, мельтешащих на экранах телевизоров, которые с белозубой голливудской улыбкой вспарывают животы женщинам и ударом ноги сворачивают челюсти прохожим, только чтобы показать свою «крутость»! Все, что раньше считалось для мужчины позором, стали рекламировать как доблесть. Во всяком случае, нас стараются убедить в том, что мужчина, не способный одним ударом кулака расколоть череп старушки, явный слабак.

А ведь всего два-три десятилетия назад Николай Афанасьевич вспоминал случай, который запал ему глубоко в душу.

Рыбачил он тогда на Азовщине. Притомился и зашел в рыбацкую избу. Попросил попить. На нем резиновые сапоги, «кепарь», как он называл свою кепку, нахлобученный на самые глаза, да и подзарос маленько. Хозяйка подала ему ковш. Когда он сел пить, поднял глаза – и увидел на стене собственный портрет.

– Это кто же? – спросил. – Родственник или знакомый?

А она ему:

– Артист это, Крючков. Уж больно хороших людей играет.

Эти слова рыбацки были для артиста высшей наградой: «хороших людей играет...» Вот вам и весь «секрет» обаяния!

Для самого Крюčkова в определении героя существовало понятие «мой человек».

– Все, что я сыграл в кино, – говорил он, – было моим. Наверное, потому, что люди, пришедшие ко мне из жизни, вместе со мной и в дружбе со мной вернулись с экрана в жизнь.

И как-то признался, что на съемочной площадке он вообще не играл.

– Мне кажется, – вполне искренне сокрушался он, – что я статичен, то есть без изменений иду от ленты к ленте. Единожды взял курс рассказывать о тех людях, с которыми знаком, в которых влюблен, на которых сам хочу походить в жизни, – так и всю жизнь придерживаюсь этого курса.

Необычайно требователен к своему творчеству Николай Афанасьевич здесь, очень уж сурово отнесся сам к себе, говоря о «статичности». Иначе чем же объяснить то невероятное явление, что все эти «статичные» герои, так «похожие» друг на друга, в исполнении Крюčkова становятся оригинальными личностями, нарицательными персонажами? И это при том, что Николай Афанасьевич, играя своих современников, почти не пользовался гримом. На этот счет у него были тоже свои принципиальные соображения.

– Что такое перевоплощение? – размышлял он. – Некоторые видят это «перевоплощение» в наклеенной бороде. Перевоплощения для актера не в том, чтобы его ни в коем случае не узнали на экране, а в том, чтобы непременно узнали, только в новом свете, в новом ракурсе. Я против внешнего, поверхностного перевоплощения, когда достаточно изменить лицо и костюм. Надо пропустить роль сквозь себя, думать о внутреннем перевоплощении, движимом новыми ритмами жизни, строем мысли, психологией героя, неповторимым своеобразием его характера. Самое главное в человеке – не его внешняя характерность, которая может много раз меняться, а психика человека, комплекс его моральных качеств, соответствие его поступков идее.

Крючков сыграл за свою длинную творческую жизнь в ста двадцати фильмах. Были среди них ленты прекрасные, удачные и явно проходные. Все так. Из песни слова не выкинешь. Но невозможно найти в них хотя бы один проходной образ, даже эпизодический, сыгранный Крючковым. Он никогда не позволял себе в творчестве опускаться ниже той планки, уровень которой с годами лишь завышал. И всегда помнил короткую притчу Александра Довженко о

двух приятелях, смотрящих в лужу: один видит собственно лужу, а другой – отраженное небо в звездах.

– Так что, – говаривал по этому поводу Николай Афанасьевич, – все зависит от восприятия жизни человеком. Я хочу видеть звезды. И в жизни, и в искусстве.

Эту притчу Крючков как-то проверил на журналисте Николае Баркалове, когда тот приехал к нему на Икшу, что в Подмоскowie. Баркалов, надо сказать, подал в это время заявление в космическую комиссию журналистов. Очень хотелось ему первому из пишущей братии побывать в космосе. Просто грезил небом. И застал он Николая Афанасьевича с удочкой на реке. Долго молча стоял сзади, чтобы не спугнуть рыбу. Но клева все не было и не было, и тогда он решился и спросил:

– Николай Афанасьевич, вы случайно не устали смотреть на этот поплавок?

– Ты думаешь, я только на него и смотрю? – усмехнулся Крючков.

– Куда же еще? – удивился журналист.

– Да туда же, куда и ты, – на небо.

– Простите, – смутился Баркалов, – но мне показалось, что вы все время смотрите вниз.

– Мало ли кому что кажется, – недовольно проворчал Николай Афанасьевич. – Но журналист, особенно космический, просто обязан зорким быть. А ну ка и ты глянь. Извини, брат, но хочу и я проверить твоё зрение. Что видишь там, кроме поплавка?

– Крючок с насадкой.

– А ты, брат, зорче да глубже смотри. Неужели ничего не видишь?

Глянул журналист «зорче», и будто явилось ему второе, глубинное зрение.

– Вижу солнце!

– Что еще видишь?

– Вижу голубое небо...

– Дальше смотри. Дальше!

– Белые облака вижу!

– То-то и оно, а то поплавок! – успокоился Николай Афанасьевич. – Ты бы еще сказал, что около поплавка мусор заметил. Увидеть мусор с поплавком ни зрением, ни ума не надо... – И без всякого перехода: – Вот нынешний кинематограф слишком уж увлекается демонстрацией сцен жестокости, насилия и откровенной порнографии – тут, сколько ни смотри, никакой звезды не увидишь...

Как говаривала незабвенная Фаина Раневская: «Какая же я старая: я еще помню приличных людей». Но это так, к слову.

Большим жизнелюбом оставался Николай Афанасьевич до последних дней. На своем семидесятилетнем юбилее он, как всегда без всякой рисовки, сказал:

– Если говорить серьезно, то я сейчас молод как никогда. Посудите сами: убивать меня убивали, под расстрелом несчетное количество раз стоял, а вот он я – живой! Закрою глаза – и передо мною ленты тех картин, в которых снимался. Каких волевых и красивых людей мне довелось играть! Вот они теперь и ведут меня за собой, грудью прикрывают от всех невзгод – и от старости тоже. А слава?.. Что слава? Я ее заставлял работать так же, как и своих героев.

О ком это? О себе – создателе незабываемых экранных образов или о своих героях, в каждом из которых неповторимый отпечаток самого их творца? А это не имеет ровно никакого значения, потому что все герои Крюčkова и сам их творец в равной мере были Личностями – не только уникальным продуктом своей величаво-трагической эпохи, но и ее созидателями.

Известно – со временем слова ветшают, теряют свое первоначальное значение, а то и вовсе обретают новый смысл. По иронии судьбы слово «личность» нынче чаще всего употребляют по отношению к политикам, среди которых как раз и наблюдается катастрофический дефицит этих самых личностей. В кинематографе личности, кажется, вообще исчезли. Их заменили так называемые «звезды».

Вообще, говорят, звезда небесная во все времена была прелестнейшим поэтическим образом для боговдохновенных натур. Но когда этот образ переносится на человека, тем более творческого, трудно избавиться от его ехидной двусмысленности, ибо все звезды (опять же – небесные) без исключения превращаются в конце концов либо в белых карликов, либо в черные дыры – в пустоту. Что и говорить – жизнь с такой унылой перспективой должна казаться человеку-звезде и безрадостной, и бессмысленной.

Но довольно витать в просторах Вселенной. Опустимся на нашу грешную землю и послушаем, что говорят по этому поводу профессионалы. Выдающийся американский актер Спенсер Трейси выразил свою мысль с предельной категоричностью: «Если и существует такая вещь, как «изюминка звезды», то, на мой взгляд, – это ее личность. Я никогда не видел роли, хорошо сыгранной актером, в которой бы не выявилась часть его личности... Личность – вот все, что требуется от актера, личность и интуиция».

А Крючков, вне всякого сомнения, был самобытно-талантливой Личностью с большой буквы. Справедливости ради кинорежиссер Григорий Чухрай отметил: «...Не один Крючков воплотил на нашем экране выразительный тип современника. Были Евгений Самойлов, Сергей Столяров, Иван Новосельцев. Были и другие. Крючкова можно бы назвать в известном смысле первым среди равных. В нем не было сказочно-былинной красоты Столярова. В нем не было слегка утонченной, слегка изысканной неотразимости Самойлова. Не было и строгой, чуть-чуть суховатой сдержанности Новосельцева. Не было, естественно, исполинской физической мощи Бориса Андреева. Хотя многое, очень многое действительно роднит его с этими актерами, как и с Петром Алейниковым, Николаем Боголюбовым, Иваном Переверзевым, Борисом Тениным. В нем было в избытке то, чему трудно подобрать точное название. Чему ближе всего подходят слова «творческая самобытность».

Крючков пришел в кинематограф уже состоявшейся цельной Личностью. Вспомним, что это были тридцатые годы, когда сосуществовали Художественный театр и «Синяя блуза», Камерный театр Таирова и Театр Мейерхольда.

Как-то Николая Афанасьевича спросили, как ему удалось не растеряться в такой разногласии театральных школ и направлений в самом начале своего творческого пути, тогда как иные его более опытные коллеги не сразу нашли свою нишу в искусстве.

– Растеряться, – согласился Крючков, – кому-то было действительно нетрудно. – И добавил: – Но вы упустили «мелочь»: у меня был ориентир – социальная среда, в которой я родился и вырос, чутье рабочего человека, та нелегкая школа жизни, которую я прошел к тому времени, постигнув в ней что-то очень для себя важное... И тут нужно учитывать еще одну «деталь» – Время. Ведь в каждый период истории народа искусство выполняет конкретные, определенные задачи. Тридцатые годы – это немыслимый взрыв, всплеск трудового энтузиазма, это целая вереница событий, едва ли не каждое из которых стало историческим. Магнитка, Днепрогэс, Комсомольск-на-Амуре, перелет Чкалова, папанинцы... Страна как бы выдавала нагора настоящих героев. В это время то же самое происходило в кинематографе: «Чапаев», трилогия о Максиме, «Член правительства», «Комсомольск». И я вовсе не против того, чтоб понятие «герой» рассматривалось многогранно. В популярной в те годы песне были такие слова:

Когда страна прикажет быть героем,
У нас героем становится любой.

И это было действительно так. Страна призывала: «Комсомолец – на трактор! Девушки – на самолет! Активисты – в забой!» И люди не по принуждению, а по велению сердца отзывались на эти призывы, ломали характеры, собственные влечения, семейные традиции и шли туда, куда их призывали. Страна приказывала быть стахановцами, папанинцами, мичуринцами, тимуровцами, и люди стремились ими стать.

Предвижу запоздалые упреки в адрес Николая Афанасьевича со стороны тех, кто хотел бы напомнить о муках «кремлевских жен» и обитателей «дома на Набережной» в те же самые 30-е – величественно-роковые. Но, думаю, великий артист никогда бы не принял эти упреки: ему близки были по духу люди-созидатели, натуры по-русски широкие и щедрые. И он никогда не понимал людей, скорбящих об утраченных иллюзиях.

Да и, кроме того, Николай Афанасьевич лишний раз напомнил бы притчу о луже, в которой он хотел видеть отраженное небо в звездах. Ну а кто хочет в ней поваляться – так ведь вольному воля. И не следует приглашать других поваляться с собою рядом.

«Мой девиз, – любил повторять Крючков, – служить народу». И это не звучало красивой фразой – ему были глубоко чужды как пустозвонство, так и крикливость. Он не терпел фальши ни в жизни, ни в искусстве.

Его жена Лидия Николаевна Крюčkова, с которой Николай Афанасьевич прожил долгие десятилетия, писала: «Его жизнь раскрылась на эпоху, где все в жизни и на экране неподдельным чувством обеспечено. Эту эпоху можно назвать великой для русского киноискусства, и он был одним из тех, чья судьба в ней была необычайна. Через кинороли он передал апофеоз великого жизнелюбия и талантливости русского народа. У него хватило драматической силы и выразительных средств дать актерскую киноповесть о герое-современнике на протяжении всего творческого пути. Он был той индивидуальности, которая завоевала любовь миллионов зрителей, пробуждая в них чувство прекрасного в человеке, открывая красоту в повседневной жизни, олицетворяя воплощение торжества мужества, справедливости и гуманности...

В нем видели не только артиста-исполнителя, но и человека, прошедшего со страной дорогами борьбы и побед. Оптимизм, любовь к Родине, природе удерживали его на градусе молодости – человеческой и творческой».

Жизнь Николая Афанасьевича вовсе не состояла из череды бесконечных побед и достижений, как могло бы показаться на первый взгляд. Творческий путь всякого великого художника – это всегда мучительный путь первопроходца, открывающего одну неизведанную даль за другой. И познание этого пути представляет интерес хотя бы потому, что ведет к познанию Личности – что само по себе уже занимательно. К тому же если Личность эта наш старый и вечно молодой «знакомый незнакомец» Николай Афанасьевич Крючков.

Крючков среди людей

Лидия Смирнова как-то заметила о своем давнем кинематографическом партнере: «Крючков среди людей – это, пожалуй, не менее интересно, чем Крючков на экране. Он был любим всеми, кто видел его на экране и знал лично. Популярность его легендарна. В общении он всегда был доступным, земным. Это человек редкой душевной доброты».

Сейчас уже мало осталось тех, с кем Николая Афанасьевича связывали не только творческие узы, но и теплые товарищеские отношения, которые сохранялись годами и десятилетиями и которыми он очень дорожил. И дай им Бог многих лет. Они сохранили в своей памяти живые свидетельства об общении с великим артистом. Другие же оставили после себя воспоминания, в которых запечатлели черты характера жизненного образа Николая Афанасьевича.

И все эти штрихи к его портрету придают ему больше живости и человечности, без которых он, этот портрет, выглядел бы застывшей театральной маской, скрывающей душу артиста, его неповторимую Личность.

Понимаю, никакими литературными средствами не передать характерный, с хрипотцой, голос Крюčkова, его интонации. Причем каждый оборот речи, а то и слово, которое он хотел выделить, подчеркнуть, сопровождалось определенными жестами, выразительной мимикой, многозначительными паузами. А рассказчик он был удивительный и неутомимый. Как вспо-

минал Владимир Этуш, «его немного приклатненная речь, которой щеголяли многие киношники, не умолкала».

Сейчас многие артисты, которые слышали живую речь Николая Афанасьевича, пытаются подражать ему. Некоторым это удастся больше, другим меньше, но никому еще не удалось достичь полной идентичности. Словами же, конечно, это тем более не выразить.

Истории, которые я предлагаю уважаемым читателям в этой главке, рассказаны мне друзьями-товарищами Николая Афанасьевича, его знакомыми и почитателями. Я бережно сохранил в них образ артиста, но, увы, не в моих силах было озвучить его неподражаемую живую речь.

Чтобы восстановить этот пробел, читатели должны будут всего-навсего вспомнить голос экранного Крючкова, и все сразу встанет на свои места: Крючков и на экране. и в жизни всегда оставался самим собой.

Крючков, Шаляпин и Карл Маркс

Мне было известно, что Николая Афанасьевича Крючкова связывала многолетняя теплая дружба с выдающимся актером мирового кино, его сверстником, Сергеем Дмитриевичем Столяровым. Сын последнего, Кирилл, светлой души человек и тоже артист, как говорят, с молодых ногтей вращался в актерской среде и после смерти отца продолжил эту дружбу с дядей Колей. Так кто мог больше него рассказать о «Крючкове среди людей»? И я попросил:

– Кирилл, нарисуй, пожалуйста, портрет Николая Афанасьевича не акварелью, не елеем, а обычным грифелем. Сможешь?

– Хорошо, попробую, – не стал ломаться Кирилл. – И для затравки вспомню одну историю, о которой мне рассказывал отец.

Сидят за столиком в театральном буфете три артиста: Сергей Мартинсон, Константин Сорокин и Николай Крючков. Пьют чай. А надо сказать, что Сорокин увлекался русской историей. Его интересовали подробности расстрела царской семьи, судьба Шаляпина и тому подобные эпизоды нашей истории, в которых тогда еще не было полной ясности. Он отличался необыкновенной скромностью, и когда его спрашивали: «Константин Николаевич, вы выступаете сегодня? – он отвечал: «Выступает Шаляпин, а я участвую в концерте».

Так вот, сидят они, пьют чай, и Сорокин продолжает свою вечную тему:

– А ты помнишь, Сережа, когда после окончания оперы «Жизнь за царя» Шаляпин вдруг встал на колени перед императорской ложей, где сидел государь с семьей?

– Как же, как же, Костя! Тогда вся передовая общественность во главе с Горьким, другом Федора Ивановича, возмутилась этим его верноподданническим поступком!

– А ведь Шаляпин всего-навсего просил государя, чтобы он повысил ставки хористам императорского театра. Они бедствовали!

– Конечно, помню, Костя!

– А о чем там была речь, ребята? – вклинивается Крючков.

Мартинсон морщится.

– Коль, ты этого не понимаешь, так смолчи.

И Сорокин продолжает:

– А потом Шаляпин написал Рахманинову, который был в это время в эмиграции, письмо.

– Ну как же, Костя! Я помню это письмо...

– А что он там написал, ребята?

Мартинсон досадливо отмахивается.

– Коль, ну помолчи!.. И вот когда Шаляпин должен был уже помириться с Горьким...

– Ну конечно же! – перебивает Сорокин. – Мои друзья из Мариинского театра.

– И что эти друзья? – Крючков.

– Слушай, Коль, отстань... Ты ведь этого не читал!

– Одну минуточку! – Крючков отодвигает чашку с чаем в сторону. – А что написано у Карла Маркса? «Капитал». Второй том. Третий абзац сверху. Что написано?

Мартинсон тушуетя:

– Не знаю... Я не читал.

– И я не читал, но я же не выпендриваюсь!

«Вот в этом весь Крючков, – комментирует свой рассказ Кирилл. – Он никогда не корчил из себя значительную фигуру, этакого мэтра. Он был искренним до конца. За это его и любили. Когда мы говорим о нашем кинематографе тридцатых годов – это Крючков. И всё! Ни влево, ни вправо. Таким я его и запомнил: с папироской в зубах, с часами на руке. Вот на параде – все задрали головы и смотрят на самолеты, а он грызет яблоко и смотрит по сторонам. Он был человеком своего времени, он выразил эпоху. Он был настоящим пролетарием – гравер-накатчик, парень с Пресни. Он так себя и называл – «парень с Пресни». Носил эту свою кепочку, которую называл кепарь. «Кепарь у меня, старик. Кепарь!» Ни разу не надел шляпу. У него свой стиль, и он не выходил из его рамок. А с отцом его связывала общая любовь к природе, к рыбалке».

По системе Станиславского

В 1952 году снимали фильм «Садко», Сергей Столяров играл в нем главную роль, Крючков – боярина. Снимали в Тишкове. Дом отдыха МХАТа, канал, плотина, запретная зона. Там построили макет Господина Великого Новгорода с замечательными декорациями.

Николай Афанасьевич был очень дисциплинированным актером. Как всегда, он вставал в шесть утра, гримировался, нацеплял бороду, смотрел на небо: если набегали облачка, съемки не будет. Он снимал с себя боярскую шапку, боярское одеяние, складывал все это аккуратно в кучку. И вот в этой жуткой бороде, с удочками – сразу под куст. А он еще как только приехал, вбил недалеко от декораций в берег кол.

– Знаешь, старик, – учил он пятнадцатилетнего Кирилла, – главное в этой жизни – пищеблок! Вообще пищеблок. И я наладил с ним отношения. Там официантки все вот такие! И они мне корм дают.

Он каждый вечер приходил на кухню, и ему давали ведро всего, что оставалось: лапши, картошки, супа... Он нес это к своему колышку и вываливал там – подкармливал рыбу.

Но среди мхатовцев было тоже немало рыбаков.

– Ну что ты, Афанасьич, – говорили ему. – Не клюет здесь. Вот в запретной зоне...

– Ничего, старик, у меня клюнет. Вы не умеете ловить. Вы ловите по системе Станиславского, а я – по системе Крюčkова. Вот, сейчас внимательно следите за моей рукой. – Он делал какой-то непонятный жест. – Вот видите – и готово! Я поймаю огромного леща. Вот такой лещинский будет! Держу пари.

И он поспорил с мхатовцами на ящик коньяка, что до конца съемок поймает этого леща. Дни стояли пасмурные, съемок не было, и Афанасьич с утра куда-то уходил.

– Коль, ты куда? – спрашивали его.

– Вы тут занимайтесь своими делами, а у меня свои дела. Я творчеством займусь.

И вот проходит неделя, снимают последнюю сцену. Мхатовцы говорят:

– Все, Коля, проспорил. Пришла пора расплачиваться.

А Николай Афанасьевич относился к спорам свято: проспорил – плати.

Итак, последняя сцена. Массовка.

– Приготовились!.. Мотор!..

И вдруг жуткий крик:

– А-а-а!

– Стоп! Кто кричал? Сорвали!..

Смотрят и видят – Крючков стоит в воде, в черном костюме, белой рубашке, при галстукке и прижимает к груди огромного леща. А он грязный, весь в тине.

– А-а-а!

Это был миг торжества. Прямо по Хемингуэю. Все-таки прикормка соблазнила леща, и он попался.

– Ну что оторопели, мхатовцы? Гоните ящик коньяку по системе Станиславского! Вот так вот!

Мхатовцы изобразили немую сцену.

«Сергея, я – Черчилль!»

В 1957 году в Индии проходил фестиваль советских фильмов. В составе нашей кинодеlegation были Николай Крючков, Сергей Столяров, Людмила Касаткина, Клара Лучко, Ольга Заботкина, Иосиф Хейфиц, Сергей Юткевич. Представительная делегация! И принимал ее сам премьер-министр Джавахарлал Неру, который выступал за вечную дружбу двух народов.

Встречали кинематографистов фантастически! Дели, Калькутта, Бомбей – миллионы людей на улицах, шикарные номера в лучших гостиницах.

И тут Радж Капур устроил у себя неофициальную товарищескую встречу кинематографистов двух стран. А надо сказать, тогда в Индии был сухой закон. Но Раджу разрешено было держать для гостей бар: виски, коньяк, водку, вино – все что душе угодно. Никто, правда, не увлекался предоставленной возможностью, но тем не менее гости пришли в благодушное состояние. Вечер удался на славу. Было уже поздно, когда Крючков со Столяровым вернулись в свой шикарный номер, а не остывший еще от возбуждения Николай Афанасьевич все изливал свои чувства:

– Все здорово получилось, старик. Все нормально. Даже оскоромились – и теперь все!

– Давай спать, Коля.

– Давай.

Столяров лег, а Крючков что-то замешкался и вдруг зовет:

– Смотри, Серега, я – Черчилль!

Сергей Дмитриевич открывает глаза и видит картину: хрустальная люстра, золоченые бра, потрясающий палас, а перед ним стоит в черных сатиновых советских трусах Афанасьич с огромной сигарой во рту.

– Я – Черчилль, Серега! Я – Черчилль!

А Черчилль был тогда одиозной фигурой – «поджигатель войны», объект для карикатуристов с этой дымящейся сигарой в зубах.

Афанасьич ходил босиком чаплинской походкой по номеру и бормотал:

– Ну вот, Серега, я – Черчилль.

Так под это бормотанье Столяров и уснул. Проснулся от страшного крика:

– А-а-а!

В номере полумрак, дым, вонь – ничего не понять. Оказывается, Афанасьич так и лег с сигарой на кровать. И уснул. Сигара упала на матрас, набитый какой-то сухой индийской травой, и он стал тлеть. А когда стали тлеть сатиновые трусы и Афанасьича припекло, он понял, что горит.

Залили матрас и трусы водой из графина, бросились открывать окно... Да-а, холодная война. Чужая страна. Великолепный отель. Прием на высшем уровне. Мир, дружба! Что делать? Катастрофа! Кругом грязь, копоть, которую никак не скрыть...

– Все, Серега, абзац... Теперь я невыездной. Нет, все! Теперь меня в ЧК за это место – и порядок, все!

– Ладно, Коля, надо что-то придумать.

– Да все, Серега! Я теперь невыездной... А что делать?

– Послушай, давай поедem к послу!

Столяров был знаком с Бенедиктовым, который в ту пору был нашим послом в Индии.

– Расскажем ему, как дело было, – развивает свою идею Столяров, – может, он чего придумает.

Чуть свет приехали в посольство, рассказали обо всем послу. Бенедиктов поблагодарил за то, что приехали, предупредили.

– Ну что ж, – сказал, – будем ждать, какие шаги последуют с индийской стороны.

Подавленные, пошли обратно. Приходят в гостиницу, открывают номер, а там – будто ничего и не случилось! Чистота, порядок, новый матрас, свежее полотенце висит. Там вообще каждый день вешали свежие полотенца. Не как у нас – смотрят, не утащили ли чего дорогие гости.

Так был исчерпан этот инцидент с Черчиллем. И никаких последствий. Никакого международного конфликта.

Крючков Ленина не играл

После одного выступления в целинном совхозе директор устроил в клубе для артистов небольшой ужин. Посла того как гости выпили и закусили, он стал приглашать Крючкова к себе домой.

– Дорогой Николай Афанасьевич! – умащивал он артиста. – Моя жена смотрела все фильмы с вашим участием. Она вас просто обожает и очень расстроится, если вы не зайдете ко мне в гости.

Крючкову не хотелось идти в гости: и степные дороги всех порядочно измотали, и от бесконечных концертов устали, да еще и завтра утром нужно было ехать дальше. Николай Афанасьевич объяснил все это директору, и артисты поддержали своего товарища, ссылаясь еще и на то, что уже поздно. Но хлебосольный хозяин был неумолим.

– Вы даже не представляете, как будет огорчена моя супруга: совсем рядом был ее кумир, и она не увидела его.

– А разве она не была на концерте? – удивился Крючков.

– Она дома стол накрывает, ждет вас. Ведь все ваши фильмы просмотрела, и не увидеть живого Крючкова!

Николаю Афанасьевичу стало неловко, и он задал последний вопрос директору, надеясь втайне все-таки как-то отмотаться от гостеприимства:

– А какой мой фильм ей больше всего нравится?

И тут хозяин, который, видно, вообще не смотрел кино, а только слышал некоторые названия фильмов, брякнул:

– «Ленин в Октябре»!

Крючков поднялся и вздохнул.

– Пошли, ребята. Нам завтра рано вставать. – И, выходя из-за стола, пояснил директору: – А товарища Ленина там играл не я, а товарищ Щукин. Но он, к сожалению, давно уже умер. Так что ничем не могу помочь. Привет супруге.

Как объяснялся хлебосольный директор перед своей супругой, о том история умалчивает.

Автограф Брежнева

Как-то киностудия «Казахфильм» пригласила Крючкова к себе, чтобы заинтересовать ролью в новом фильме. Места для Николая Афанасьевича были знакомые еще по эвакуации, и он принял приглашение.

– Не понравится сценарий, так хоть порыбачу, – объяснил он друзьям.

Как он и предполагал, сценарий оказался слабым, беспомощным, роль невыразительной. Сценарий ему вручил один из начальников студии и заверил артиста, что такого материала у них еще не было. «И слава богу», – горько усмехнулся Крючков и с утра поехал на рыбалку. Настроение было испорчено, к тому же и погода испортилась, рыба не клевала, и он в дурном расположении духа вернулся в гостиницу. И тут звонок из киностудии. Звонит тот самый начальник, который всучил ему сценарий и вчера еще одаривал всеми знаками внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.